

Анна Горд

*Тайна
Корабля
призрака*

Анна Горд

Тайна Корабля призрака

«Автор»

2026

Горд А.

Тайна Корабля призрака / А. Горд — «Автор», 2026

Это история о дочерней любви и самоотверженности, о верности, способной пережить разлуку, и о чувстве, которое рождается среди морских туманов, когда надежды почти не остается.

© Горд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Горд

Тайна Корабля призрака

Глава 1

Уютный дом

В одном уездном городе, где над крышами по утрам долго стоял синеватый туман, а в садах звенели колокольчики на ветру, жил старый граф. Дом его был высок, каменный, с резными балконами и тяжелыми дубовыми дверями, за которыми всегда пахло воском, старыми книгами и яблоками из сада. После ранней смерти жены граф больше не женился и всю свою любовь, всю нерастраченную нежность, весь свет своей души отдал единственной дочери — Ярославне.

Он растил ее, как редкий цветок, оберегая от грубого слова, от холодного ветра, от чужой жестокости. И действительно, Ярославна выросла на диво прекрасной: тонкая, светлая, с ясными глазами цвета летнего неба и улыбкой такой мягкой, что рядом с ней даже самые хмурые люди незаметно становились добрее. Она была не только красива, но и добросердечна, умна, скромна и удивительно терпелива. Где бы она ни появлялась, там будто становилось больше воздуха, тепла и света.

Граф часто смотрел на дочь и думал с тихой гордостью, что нет на свете счастья выше, чем видеть, как она живет, смеется и идет по жизни легко, словно по цветущему лугу. Он мечтал лишь об одном: чтобы судьба подарила ей любовь, достойную ее сердца.

Глава 2

Бал

И вот однажды судьба действительно распахнула перед Ярославной свою сияющую дверь. Это случилось на большом царском балу, куда были приглашены знатнейшие гости со всех концов державы. Дворец в тот вечер сверкал так, словно в него вошло само звездное небо. На потолках дрожали отблески сотен свечей, зеркала множили огни, а за высокими окнами расцветали фейерверки, и каждый их всполох падал в черный бархат ночи, как драгоценный камень.

Ярославна вошла в зал рядом с отцом — и шум вмиг будто стих. Не потому, что кто-то осмелился заговорить громко, а потому, что все взгляды сами собой повернулись к ней.

— Вот она, графская дочь, — шептали дамы.

— Какая статья! Какая нежность! — говорили кавалеры.

Ярославна смущенно опустила глаза.

На ней было платье нежного цвета утренней розы, расшитое серебряными нитями. Волосы мягкими волнами спадали на плечи, а в них мерцал маленький гребень с жемчугом. Она шла не торопясь, с достоинством и легкой задумчивостью, как будто несла с собой дыхание сада после дождя.

И тогда сын царя увидел ее.

Он стоял у колонны, окруженный свитой, красивый, надменный и привыкший к тому, что любое его желание исполняется немедленно. Но в эту секунду все привычное для него рассыпалось в прах. Ему показалось, будто зал наполнился тихим звоном, а воздух между ним и незнакомкой стал почти осязаемым. Он забыл и о гостях, и о музыке, и о собственном самонимении.

Он подошел к Ярославне и с непривычной для себя мягкостью пригласил ее на танец.

— Разрешите пригласить Вас на танец, — сказал принц.

Ярославна кивнула в ответ.

Музыка запела нежно и протяжно, и они закружились в вальсе. Ярославна двигалась легко, почти невесомо, словно не касалась пола. Царевич не отрывал от нее взгляда: в каждом ее жесте было столько чистоты и внутреннего света, что сердце его билось все быстрее и болезненнее. Он, привыкший к восхищению, впервые сам стал пленником красоты.

Но Ярославна смотрела на него спокойно. Она была вежлива, добра и благодарна за танец, однако в глубине души ее сердце молчало. Царевич был красив, богат, блистал, как отполированная золотая монета, но в его взгляде пряталась холодная гордость, которую она заметила сразу. А сердце Ярославны, тихое и чуткое, тянулось не к блеску, а к теплу.

На следующий день царевич велел слугам отправить к графу богатые подарки и сватов. Во двор графского дома внесли сундуки с шелками, жемчугами, золотой посудой и сладостями в хрустальных сосудах. Но Ярославна, поклонившись, вежливо отказала.

— Благодарю за честь, — сказала она тихо. — Но я не могу принять это предложение. Сердце мое пока не знает ответа.

Граф, любивший дочь больше жизни, не стал настаивать. Он и мысли не допускал, что счастье можно построить насильно, только взял Ярославну за руку и сказал, что всегда будет на ее стороне.

Но царевич, никогда прежде не слышавший отказа, вспыхнул гневом. Его самолюбие оказалось уязвлено, и вместо того чтобы понять девушку, он выбрал жестокость. Приказ его был короток и страшен: графа с дочерью изгнать из королевства и никогда не впускать обратно.

Граф с безысходностью посмотрел на дочь.

— Прости меня, — наконец сказал он. — Я не сумел уберечь тебя.

Ярославна опустилась перед ним на колени.

— Не говори так, батюшка. Это не твоя вина.

— Нет, моя. Я слишком доверял людям, забывая, что мир жесток.

Она взяла его руку.

— Тогда будем бороться.

Но утром борьба уже стала невозможна. Из города пришло новое известие: имущество графа подлежало описи, счета замораживались, дом — передавался под управление кредиторов. Им дали всего несколько дней на сборы.

Так началась их дорога в изгнание.

Ворота замка захлопнулись у них за спиной, идти было некуда, никто нигде их не ждал. На душе было сыро, холодно и пусто. Дорога в ближайшее селение шла через лес. В лесу скрипели деревья, пахло дождем, шумел ветер.

Ярославна старалась не показывать отчаяния, чтобы не расстраивать отца еще больше.

Вдруг внезапно старому графу стало тяжело не от дороги, не от унижения, а от того, что он не смог защитить дочь от произвола. На чужом ветру, у ворот, за которыми еще недавно сияли огни дворца, его сердце не выдержало. Он упал, словно сломанная ветка, и больше не поднялся.

Ярославна осталась одна.

Вокруг ни души, некому прийти на помощь...

Ночь была холодна, а мир — огромен и страшен. Перед ней простирались леса, болота, пустые дороги и выжженные поля. Она шла, не чувствуя под собой ног. Слез уже не было. Только пустота и тяжелая вина, будто невидимый камень лежал у нее на груди. Ей казалось, что вместе с отцом умерла и часть ее самой.

Глава 3

Цыгане

Когда силы окончательно покинули ее, она опустилась на землю и закрыла глаза. Еще миг — и жизнь, казалось, готова была отступить.

Но вдруг издалека донеслась песня.

Сначала едва слышная, словно ветер качал невидимые струны, она становилась все яснее, теплее, живее. Это были цыганские голоса, звучавшие в ночи так печально и прекрасно, что сердце Ярославны дрогнуло. Собрав последние силы, она пошла на звук.

За перелеском, в широкой долине, стоял табор. Горели костры, над шатрами тянулся аромат дыма, трав и свежего хлеба. Увидев измученную девушку, цыгане сразу поняли, что ей нужна помощь. Ее отвели в шатер, накормили, напоили ключевой водой, завернули в теплый платок и не задавали лишних вопросов, пока она сама не рассказала им свою печальную историю, не всю только ту часть где потеряла отца.

Старшие женщины табора слушали молча, а потом одна из них, седая, с ясными глазами и глубокими морщинами у висков, тихо сказала:

— Живи у нас, сколько захочешь. Всякая душа должна где-то переждать свою боль.

И Ярослава осталась.

Она помогала в таборе: носила воду, мыла посуду, шила, собирала травы, ухаживала за детьми, училась слушать ветер и огонь. По вечерам цыгане пели песни о дороге, о любви, о свободе, и в этих песнях было столько жизни, что Ярослава снова начинала дышать полной грудью.

Степь к вечеру дышала теплом и полынной горечью. Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая небо в медь, багрянец и золото, а ветер лениво перебирал края пестрых цыганских шатров. Вдалеке звенел смех, пела скрипка, потрескивал костер, и казалось, будто сама судьба раскинула над табором свою темную, звездную шаль.

Среди этого живого огня, песен и вольного ветра Ярослава казалась чужой и вместе с тем удивительно родной, словно редкий цветок, занесенный неведомой бурей в дикие степи. Ее красота была не просто яркой — она была тревожной, манящей, почти опасной. Словно огненный цветок на закате: смотришь — и отвести взгляд уже невозможно.

Не мог пройти мимо такой красоты и молодой Барон.

Высокий, статный, с гордой посадкой головы, с черными, как южная ночь, глазами, он был любимцем табора. Многие цыганки украдкой ловили каждый его взгляд, мечтая, чтобы он улыбнулся именно им, чтобы назвал по имени, задержал руку в своей ладони хоть на одно мгновение. Но в его глазах отражалась только Ярослава.

Он видел, как она ходит между шатрами тихо и задумчиво, как смотрит вдаль, будто ищет там кого-то, кого уже не вернуть. Видел, как склоняет голову, когда слышит веселую песню, словно радость для нее теперь звучала слишком громко. И чем дольше он наблюдал за ней, тем сильнее сжималось сердце у него в груди.

Мысли о ней не давали ему покоя ни днем, ни ночью.

— Пропал ты, Барон, — усмехнулся старый цыган, заметив, как тот снова смотрит в одну сторону. — Не на ту ли смотришь, что не глядит в ответ?

Барон промолчал, только медленно провел ладонью по гриве своего вороного коня.

— Есть такие женщины, — продолжал старик, — которых не берут ни песней, ни золотом, ни страстью. У них в сердце своя зима.

Барон тихо ответил:

— А если мне не нужно брать? Если мне бы только быть рядом...

Но даже самому себе он не смел признаться, насколько глубоко уже увяз в этом чувстве.

Однажды вечером, когда табор затихал, а над землей уже поднимался прозрачный сумрак, он решился подойти к ней. Ярославна стояла у самого края поляны, где костровой свет уже не касался травы. Ветер трепал выбившиеся из ее прически пряди, и она смотрела на закат так печально, будто прощалась с кем-то невидимым.

Барон остановился в нескольких шагах. На мгновение ему стало не по себе — так, как не бывало даже перед дракой или опасной дорогой. Но он все же шагнул ближе.

— Ярославна...

Она обернулась. В ее взгляде не было страха, только усталость и тихое удивление.

— Ты звал меня?

Он смотрел на нее долго, словно хотел запомнить каждую черту.

— Ты прекрасна, как алый цветок на закате, — сказал он негромко, и голос его вдруг стал совсем не похож на обычный уверенный голос молодого Барона. — Если б я только знал, что ты всегда будешь рядом...

Ярославна опустила глаза. Слова его были красивы, искренни, но не тронули ту глубину сердца, которая давно уже застыла от горя.

Барон, словно боясь, что она уйдет прежде, чем он скажет главное, сделал знак, и из темноты подвели коня.

Это был вороной жеребец — сильный, стройный, с блестящей, как шелк, гривой и глазами, в которых жила степная свобода. Он перебирал копытами землю и фыркал, будто сам знал себе цену.

— Он твой, — сказал Барон. — Я хотел подарить тебе не украшение и не золото. Золото тускнеет. А конь унесет, если станет тяжело. Спасет, если дорога окажется злой. И будет верен, даже когда люди отвернутся.

Ярославна с изумлением посмотрела то на коня, то на Барона.

— Это слишком дорогой дар...

— Для тебя нет дорогого, — тихо ответил он. — Есть только то, что хотел бы отдать.

Она подошла к жеребцу, осторожно коснулась ладонью его шеи. Конь сразу стих, словно признал в ней хозяйку. На лице Ярославны впервые за долгое время мелькнула слабая, почти детская улыбка, и Барон почувствовал, что ради этой улыбки отдал бы не только коня, но и все, что у него есть.

Но через миг она снова стала серьезной.

— Ты добр ко мне, Барон, — сказала она мягко. — И прекрасен душой. Но тяжело мне на сердце. Нет чувств, нет целей, и не знаю я, какие дороги ждут меня впереди...

Он слушал, не перебивая.

— После утраты отца все во мне будто онемело, — продолжала Ярославна едва слышно. — Я живу, говорю, дышу... а сердце словно спит под холодным камнем. Я не знаю, проснется ли оно.

В глазах Барона мелькнула боль, но он не позволил ей стать упреком.

— Я не стану просить того, чего ты не можешь дать, — сказал он после долгого молчания. — Любовь не берут силой. И если твоему сердцу нужен покой, я не стану тревожить его своей настойчивостью.

Она подняла на него благодарный взгляд.

— Спасибо тебе.

— Не благодари, — с горькой нежностью усмехнулся он. — Просто помни: если когда-нибудь дорога станет слишком темной, позови. Я услышу.

Он ушел прежде, чем она успела сказать что-то еще. Ушел быстро, почти резко, потому что знал: останься он хоть на минуту дольше — и боль выдаст его.

С той ночи Барон не стал искать ее общества. Он больше не подходил к ней с признаниями, не тревожил словами, не ловил ее за руку у костра. Но любить не перестал. Напротив —

чувство его стало еще тише, глубже и печальнее. Он по-прежнему наблюдал за ней издалека, готовый в любой миг прийти на помощь, если понадобится, но не смея переступить границу ее тишины.

А в таборе была одна цыганка, молодая и горячая, с жгучими глазами и сердцем, полным безумной ревности. Она давно любила Барона — так, как любят в юности: слепо, яростно, почти безумно. И каждый взгляд, который он отдавал Ярославне, жег ее хуже огня.

— Чем она лучше меня? — шептала цыганка, глядя в зеркало из потемневшего металла.
— Чем? Белым лицом? Тихими речами? Печалью своей?

Но чем сильнее она злилась, тем яснее понимала: Барон никогда не посмотрит на нее так, как смотрит на Ярославну.

И тогда в ее душе родилась страшная мысль.

Однажды днем, когда табор лениво отдыхал от жары, цыганка подошла к Ярославне с приветливой улыбкой.

— Зайди ко мне в шатер, — сказала она ласково. — Ты сегодня бледна. Я заварила травяной чай, он успокаивает сердце и прогоняет тяжелые думы.

Ярославна, как и ее отец, была чиста душой и открыта к людям. Она не умела подозревать зло там, где ей улыбались. Потому без опаски вошла в шатер.

Внутри пахло сухими травами, дымом и чем-то сладким, терпким. На низком столике уже стояли две кружки, от которых поднимался душистый пар.

— Садись, — сказала цыганка.

Ярославна села, благодарно кивнув.

Но стоило ей на миг отвернуться к пологу шатра, как цыганка быстро вытащила крошечный пузырек и капнула в ее кружку несколько капель яда. Рука ее дрожала. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выдаст ее.

«Еще миг, — подумала она. — И все кончится. И Барон снова будет свободен от нее».

Но когда Ярославна обернулась, в ее лице не было ни гордости, ни хитрости, ни самодовольства победительницы. Только печаль.

— Ты добра ко мне, — тихо сказала она. — Я редко теперь встречаю доброту без причины.

Цыганка замерла.

Ярославна осторожно провела пальцами по краю кружки и вдруг, словно почувствовав потребность выговориться, заговорила:

— Ты, наверное, видишь больше других. Я чувствую, как люди смотрят на меня. Кто с жалостью, кто с любопытством. А я так устала быть для всех какой-то тайной.

Цыганка молчала.

— Барон прекрасен, — продолжила Ярославна, и при этих словах у цыганки сжались пальцы. — В нем столько силы, достоинства и доброты, что рядом с ним можно было бы почувствовать себя защищенной. Любая полюбила бы его.

— А ты? — резко спросила цыганка.

Ярославна опустила взгляд.

— А мое сердце закрыто для чувств. Боль от утраты отца еще не угасла. Она будто стоит во мне стеной. И я не знаю, что с этим делать. Не знаю, как снова начать жить. Не знаю даже, имею ли право на счастье.

Эти слова прозвучали так искренне, так беспомощно, что в душе цыганки вдруг что-то надломилось. Перед ней сидела не соперница, не холодная красавица, укравшая чужую любовь, а раненая девушка, потерянная, одинокая, измученная своей судьбой.

Ярославна взяла кружку.

Цыганка побледнела.

Еще секунда — и все уже нельзя будет вернуть.

И вдруг она резко подалась вперед, выхватила кружку из рук Ярославны и почти с яростью выплеснула чай на землю.

Ярославна вскочила.

— Что ты делаешь?

Цыганка отвернулась, пряча дрожь в голосе.

— А знаешь, — сказала она, стараясь улыбнуться, — налью тебе нового чая. Уверена, что этот уже остыл.

Ярославна смотрела на нее с недоумением, но ничего не сказала.

Цыганка отвернулась к котелку, и плечи ее едва заметно дрожали. Впервые за долгое время ей стало стыдно. Стыдно за свою ревность, за свою злость, за то, что она едва не погубила ту, которая и без того жила с разбитым сердцем.

— Почему ты так смотришь на меня? — тихо спросила Ярославна.

Цыганка долго молчала, потом ответила:

— Потому что иногда женщина женщину понимает лучше, чем хочет признать.

Она налила свежий чай — уже чистый — и поставила перед Ярославной.

— Пей. Этот точно не остыл.

И в этих простых словах прозвучало что-то новое: не притворство, не яд, а почти раскаяние.

Ярославна улыбнулась ей мягко, с той самой беззащитной благодарностью, от которой даже ожесточенное сердце не может остаться прежним.

А снаружи, у шатров, степной ветер трепал гриву вороного коня, подаренного Бароном. Сам Барон стоял вдаль, у костра, и, не зная, какая опасность только что миновала Ярославну, все так же смотрел в ту сторону, где была она.

Смотрел так, как смотрят на недостижимую звезду.

С любовью, которая не просит.

С болью, которая молчит.

С верностью, которая остается даже тогда, когда надежды уже нет.

Однажды старая гадалка, женщина с тонкими пальцами и глазами, в которых будто отражались огни всех костров мира, подозвала Ярославну к себе.

— Дай мне взглянуть на твою судьбу, — сказала она.

Карты легли веером. Гадалка долго смотрела на них, и лицо ее становилось все серьезнее. Потом она медленно покачала головой.

— Не всякая потеря — конец, дитя мое. Иногда беда открывает дверь туда, где ждет настоящее чудо.

— А если чудо невозможно? — спросила Ярославна.

— Тогда его нужно искать.

— Твой путь не здесь, дитя. Не в шатрах тебе век вековать. У тебя впереди дорога длинная, и не одна душа изменит ее. Но пока я не вижу конца.

Цыгане поняли, что Ярославне суждено идти дальше, и, собрав ей немного монет, хлеба и теплую накидку, отвезли ее в ближайший город.

Глава 4

Таверна

Так дочь графа оказалась в чужом месте, где никто не знал ни её имени, ни прошлого. Маленький город встретил девушку тихо и равнодушно, словно даже не заметил, как в лабиринт его тесных улиц вошла ещё одна чужая судьба.

Здесь не было ни блеска родового дома, ни шороха тяжёлых портьер, ни знакомых голосов, окружавших её с детства. Всё, что теперь принадлежало Ярославне, умещалось в крошечной комнате над таверной: низкий потолок, узкое окно, шаткий стол и жёсткая кровать, на которой она подолгу лежала без сна, прислушиваясь к скрипу половиц, приглушённому шуму голосов внизу и далёкому дыханию ночного города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.